

Рябов Петр. Отец Матери Порядка Пьер Жозеф Прудон

Пьеру Жозефу Прудону (1809–1865) не очень-то повезло в памяти потомков. Для многочисленных и разнообразных, но неизменно догматических и почти всегда авторитарных марксистов он остался – после ядовитого марксова памфлета «Нищета философии» (ревниво предвзятого и вопиюще несправедливого) – таким жалким идейным ничтожеством, недоучкой и путаником, каким-то недоразумением, полуэкономистом и полуфилософом. (Разумеется, подавляющее большинство этих марксистов, благоговейно читающих «Нищету философии», не дало себе труда обратиться ни к собственным трудам французского мыслителя, ни даже к ранним – восторженным – его оценкам тем же Марксом!). Для анархистов его заслоняют более поздние и, как кажется, более героические, более цельные и более последовательно революционные и либертарные фигуры Бакунина, Малатесты и Кропоткина.

Однако многие свои идеи Маркс без зазрения совести позаимствовал у Прудона (тем самым подтвердив известный тезис последнего о том, что «собственность – это кража»). А уж Бакунин, Герцен, Кропоткин и другие великие анархисты и либертарины обязаны Прудону если не всем, то очень многим, что до него было почти неведомо, а после него стало альфой и омегой анархической мысли: беспощадной критикой государственной власти, представительной демократии и либерализма, анализом глубинного тождества управления и эксплуатации человека человеком, осмыслением неразрывной взаимосвязи рыночной конкуренции и государственной монополии, подробным обоснованием идей федерализма и свободного договора, развенчанием веры в выборы, партии и парламенты (по Прудону «всеобщее избирательное право – контрреволюция») как формы манипуляции, теорией «мютюэлизма» (взаимности) и этикой, основанной на справедливости и человеческом достоинстве...

Если на Западе имя и идеи Прудона еще более или менее известны, то в России он доселе пребывает в почти полном забвении: при самодержавии и при нынешних властях, столь трепетно любящих самодержавие, его не издавали и не издают как революционера (оказавшего решающее влияние на русское народничество), при большевиках – как оппонента Маркса. Главные труды Прудона: «Справедливость в Революции и Церкви» и «Философия Нищеты или Система экономических противоречий» (именно на эту работу обрушился Маркс в своем памфлете) спустя полтора века все еще ждут своего перевода на русский и издания в нашей стране. Литература о нем в России сегодня более чем

скромна[1].

«Отец Анархии»! Да уж, действительно, отец, суровый, пуритански аскетичный, прямолинейный и строгий *pater familia*. Из песни слова не выкинешь: Прудон был одним из последовательнейших борцов против женской эмансипации и идейно обосновывал сексизм и крайний патриархат (с запиранием женщины в семейную клетку без права освобождения, равноправия с мужчинами и участия в культурной и общественной жизни) в своей печально известной книге «Порнократия, или Женщины в настоящее время»[2]. Чуткий к противоречиям буржуазного общества, Пьер Жозеф сам был воплощенным и ходячим противоречием: консервативный прогрессист, реформистский революционер, либертарный деспот, скромный мессия, этический максималист и эстетический слепец. Могучий боец и опасный полемист, в невероятной сутолоке и толчее партий во Франции 1840–1860-х годов Прудон воевал один против всех, ругал почем зря и либералов, и орлеанистов, и бонапартистов, и якобинцев, и коммунистов-государственников. Его меткие удары сыпались направо и налево, и там, где проходил этот удивительный и обаятельный даже в своей непоследовательности человек, названный Герценом «главой революционного принципа в XIX веке» (щедром на революционеров), возникало целое движение, сеялись семена либертарного сознания, давшие обильные всходы пару десятилетий спустя.

Горячий поборник свободы, он отказывался предоставить ее женской половине человечества. Пылкий революционер, он желал избежать «варфоломеевской ночи для собственников» и хотел осуществить радикальные преобразования через реформу. Плоть от плоти народа (рабочий, сын крестьянина из Безансона), талантливый самоучка, друг и заступник рабочих, он искал компромиссов с буржуазией и некоторое время питал иллюзии в отношении мнимой «социалистичности» бонапартистов – приверженцев Луи Наполеона. Пламенный враг собственности, он был также и врагом коммунизма, стремясь заменить буржуазную собственность – трудовой собственностью и владением и «приручить» и «очеловечить» беспощадную стихию рынка, изгнав из нее монополизм и ростовщичество и выращивая кооперативные учреждения. Прудон во многом ошибался, многим чересчур увлекался, но во многом оказался и пророком, к примеру, одним из первых указав на губительные последствия растущего разделения труда и специализации на человеческую личность, и обосновав идеал всестороннего «интегрального» образования. Будучи избран рабочими Парижа в депутаты Национального Собрания, он промолчал во время бойни рабочих, устроенной буржуазией в июне 1848 года, но спустя несколько недель, осознав ужас происходящего и собственные ошибки, мужественно в одиночку сразился со всеми депутатами палаты. Он полной мерой изведal и крайнюю нищету, и тюремное заключение, и горечь эмиграции, и сладость всеевропейской славы. Александр Герцен считал Пьера Жозефа величайшим революционером и мыслителем современности, а Гюстав Курбе (выдающийся живописец, прудонист и впоследствии парижский коммунары) запечатлел его на известном портрете[3].

Публикуемая книга «О политической способности рабочих классов» (вышедшая в России в переводе Н. К. Михайловского под нейтрально-бесцветным названием «Французская демократия»[4], способным усыпить бдительность царской цензуры) является последним, наиболее зрелым, итоговым и, быть может, наиболее интересным произведением в огромном литературном творчестве французского анархиста. В этой книге (где

злободневные рассуждения соседствуют с общетеоретическими построениями) Прудон сводит последние счёты с политиками всех направлений и партий, последовательно противопоставляя парламентско-государственной политике и бюрократическим решениям интересы трудового народа, которые никто, кроме самих трудящихся не может защищать и представлять, и подробно раскрывает идею федерализма в ее связи с мютюэлизмом. По изложенному им замыслу, государство и капитализм должны коллапсировать и быть (по возможности мирно) заменены обществом кооперации и федерализма (основанного на делегировании снизу вверх и императивных мандатах), а на смену ценностям доминирования и наживы должны возобладать солидарность, взаимопомощь, свобода, равенство и справедливость.

А о чем только не писал в течение своей не слишком долгой жизни плодовитый Прудон! (В его наследии – около сорока книг и многие сотни статей). О языкознании и религии, о международном праве, о войне и мире (под влиянием бесед с ним и прочтения его книги «Война и мир» молодой Лев Толстой решил дать то же название задуманной им эпопее), о национальном вопросе, о вреде интеллектуальной собственности (пытаться «делить» идеи в культуре так же нелепо, как пытаться делить воздух в окружающей нас атмосфере) и о вреде собственности как таковой, об искусстве и о разделении труда, о морали и справедливости, о юриспруденции и о кооперации, о Великой французской революции и о женском вопросе... Множество сочинений, наполненных остротами, парадоксами и афоризмами, из которых двум: «Собственность – это кража» и «Анархия – мать порядка» суждены были всеобщая известность и всеобщее непонимание (без вдумывания в их смысл и знания об их авторе, как часто, впрочем, бывает с известными цитатами, обреченными на бессмертие и ставшими из шокирующего парадокса привычными банальностями).

Нет смысла и возможности здесь в кратком предисловии пересказывать биографию Пьера Жозефа Прудона, описывать комплекс его идей и, тем паче, излагать содержание книги, которую читатель и так держит в руках. Тем, кто желает подробнее уяснить себе место Прудона в анархической и социалистической мысли, я рекомендую обратиться к соответствующей главе моего «Краткого очерка истории анархизма в XIX–XX веках» и к фундаментальной и чрезвычайно сочувственной (даже апологетической) по отношению к П. Ж. Прудону монографии другого известного исследователя, историка и либертарного социалиста – А. В. Шубина[5]. В последней книге идеи Прудона не только предстают в систематическом, последовательном изложении и в историческом контексте (в заостренном противопоставлении марксизму), но и показывается и обосновывается их актуальность для XXI века и их влияние на социалистическую мысль последних столетий.

Отмечу лишь самое главное в нескольких кратких словах. Человек, первым решившийся, эпатуя публику, сам назвать себя анархистом (и придавший этому слову не ругательный, а конструктивный смысл), яростный критик власти и собственности как двух сторон насилия над человеческой личностью, создатель основ либертарной социальной теории и инициатор появления массового общеевропейского анархического движения, враг централизации и бюрократии (превратившей, по его словам, всю землю в «бумажную планету», покрытую бесчеловечными декретами и бессмысленными инструкциями), мыслитель и пламенный публицист (не «кабинетный теоретик», как многие «радетели за народ», а сам – часть народа, находящийся в его гуще и зарабатывающий на жизнь каторжным трудом),

стремившийся согласовать свободу и равенство, личность и общество, многообразие и единство через федерализм и перевернувший руссоистски-якобинскую пирамиду государственной власти вверх тормашками и распыляющий ее в низовом самоуправлении, человек, своей проповеднической и организаторской деятельностью давший импульс рабочим организациям и кооперативам, покрывшим Европу (и вскоре породившим Первый Интернационал и героическую Парижскую Коммуну), язвительный полемист и обличитель либералов с их болтливой лицемерией и двоемыслием (по метким словам Прудона, «пытавшихся подстричь когти у Власти, но так, чтобы и у Свободы подрезать крылья»), чуткий оппонент любой якобинской и социалистической казармы, нивелирующей личность и передающей ее права в руки отеческого Государства, ранний проповедник (задолго до Г. Д. Торо, Л. Н. Толстого, М. К. Ганди и М. Л. Кинга) тактики гражданского неповиновения власти (в публикуемой книге он рекомендует рабочим активный бойкот выборов и неучастие в партийно-парламентских играх), Пьер Жозеф Прудон – при всей своей невероятной противоречивости и непоследовательности – стал отцом либертарного социализма XIX–XX веков, одним из величайших критиков индустриальной буржуазно-государственной цивилизации (разрывающей живые связи между людьми, уничтожающей общество, нравственность и личность и атомизирующей индивидов перед лицом экспансии беспощадного и ненасытного рынка, бездушной государственного деспотизма и выходящих из-под контроля технологий, превращающих человека в часть Мега-Машины). Он попытался поставить диагноз болезни и наметить иной, принципиально отличный, путь для человечества. О том, что этот путь не закрыт и до сих пор и не является химерическим порождением галльского парадоксалиста, говорит хотя бы необятный круг его прямых или косвенных идейных преемников: Герцен и Бакунин (друзья, соратники, ученики и критики Прудона), русские народники (Н. К. Михайловский, прудонисты 1860–х годов, землевольцы, чайковцы) и американские анархо-индивидуалисты (Б. Таккер, Э. Гольдман, Дж. Уоррен и другие), испанские и итальянские федералисты и анархо-инсургенты (К. Писакане, Ф. Пи-и-Маргаль), парижские коммунары, французские революционные синдикалисты и анархо-синдикалисты (Ж. Сорель), русские кооператоры (М. И. Туган-Барановский), многие крупные социологи и мыслители XX века (Р. Арон, Ж. Гурвич, Д. Герен)... Целая лавина идей, течений, движений, социальных проектов и прорывов. Лавина, у истоков которой стоял этот человек – Пьер Жозеф Прудон.

И сегодня, высокомерно ругая Прудона за те или иные ошибки и непоследовательности, вроде переоценки кооперации или недооценки роли забастовок (с высоты двухвекового исторического опыта), посмеиваясь над его наивными попытками проповедовать анархизм в парламенте или создать Народный Банк (с даровым кредитом без процентов, основанном на взаимности) в недрах капиталистического общества, справедливо негодуя по поводу его пещерного патриархализма, недовольно поеживаясь от его пуританского суховатого морализма и мужицкого культа труда и бедности, подозрительно косясь на его догматическую убежденность в незыблемости Вечной Справедливости и на его самоуверенную претензию быть глашатаем абсолютных истин, сетуя на его оппортунизм, периодические апелляции к очередным «добрым царям» и безграничную просветительскую веру во всемогущество рациональных аргументов, – не стоит забывать о том, каким богатством первозданно свежих и ярких мыслей мы – нынешние анархисты – обязаны этому неудобному, неповторимому, творчески конструктивному, упрямому и неугомонному человеку, настоящему отцу Анархии, которая, как всякая повзрослевшая дочь, теперь живет

своей собственной взрослой и самостоятельной жизнью, порой поругивая предков и вступая с родителями в конфликты и препирательства, далеко уходя в неизвестность от стен отчего дома, в который все же время от времени возвращается, ибо это – ее дом.

Кандидат философских наук, доцент
Петр Владимирович Рябов

Версия #2

Зверобой создал 16 марта 2025 00:14:22

Зверобой обновил 16 марта 2025 00:22:58